

Лама
Тонг

18+

ОПАСНЫЙ
МОЙ
БЕЗЖАЛОСТНЫЙ

Лана Голд

Опасный. Безжалостный. Мой

<https://litres.ru/73318987>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — жестокий, безжалостный хищник, чье имя произносят шепотом, а приказы исполняют беспрекословно. В его мире нет места слабости, состраданию или любви. Только власть, страх и холодный расчет.

Я — обычная девушка, пытающаяся выжить. Мой мир — это больничные стены, лекарства для больной бабушки и бесконечная работа. Я готова на все, чтобы спасти единственного родного человека.

Однажды наши миры сталкиваются. Роковая ошибка и я оказалась в его руках. Он не захотел меня отпускать.

Я ненавижу его каждой клеткой своего тела. Но почему тогда мое сердце замирает, когда он рядом? Почему в ледяных глубинах его глаз я начинаю видеть нечто большее, чем просто жестокость? Это история о том, как из пепла ненависти может родиться самое опасное и всепоглощающее чувство.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	54
Глава 9	61
Глава 10	66
Глава 11	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Лана Голд

Опасный.

Безжалостный. Мой

Пролог

Ветер бьет в лицо, холодный и резкий. Я вжимаю педали до упора, и электрический моторчик моего велосипеда отзывается тихим, натужным гулом. Он мой верный конь, мой единственный способ выжить в этом каменном муравейнике. Каждый поворот руля, каждый прокрученный километр – это монеты, падающие в мою почти пустую копилку. Сегодняшний заказ – последний, самый важный. Папка с документами, прижатая к груди под курткой, кажется, весит тонну.

- Срочно, Нана, очень срочно! – сипит в трубку заикающийся менеджер. – Если не успеешь. Завтра можешь не приходить.

- Успею. Всё сделаю! Доверьтесь мне, Юрий Игоревич! Когда я вас подводила?

Зеленый свет мигает, издевательски подгоняя. Я вылетаю на перекресток, чувствуя себя гонщиком на последнем круге. Еще пара кварталов, и я смогу выдохнуть, получить свои

деньги и, может быть, даже позволить себе горячий кофе, а не ту бурду из автомата, от которой сводит зубы. Я еду по своей полосе, всё по правилам, я всегда езжу по правилам. Правила – это единственное, что держит таких, как я, на плаву.

Оглушительный рёв мотора раздается слева, слишком близко, слишком громко. Я даже не успеваю повернуть голову. Время растягивается, превращаясь в густую, вязкую патоку. Я вижу лишь ослепительную вспышку чёрного глянца, хищный блеск хромированной решётки радиатора, похожей на оскал гигантского зверя.

Удар.

Меня срывает с сидения, швыряет, как тряпичную куклу. Секунда полёта, в котором перед глазами проносится не жизнь, а лишь дурацкая мысль: «Только бы документы не разлетелись!» А потом – жёсткое, безжалостное объятие асфальта.

Несколько секунд не могу дышать. Хватаю ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Я лежу, не в силах пошевелиться, и смотрю в серое, безразличное небо. В ушах звенит. Тупая боль пульсирует в левом боку.

Кое-как, цепляясь пальцами за шершавый асфальт, я сажусь. Голова кружится, перед глазами плывут чёрные точки. Мой велосипед... Боже, мой бедный конь. Он лежит в паре метров, искорёженный, жалкий. Переднее колесо вывернуто под немыслимым углом, рама сломана. Это конец. Это не

просто сломанный велосипед, это сломанная я. Рядом валяется папка. Бумаги разлетелись и теперь трепещут на ветру, словно белые раненые птицы.

Я ползу к ним, игнорируя вспышки боли в ребре и ноющее колено. Каждый сантиметр – пытка. Собрать, сложить, прижать к себе. Это не просто бумаги, это спасение для бабушки. Осталось совсем чуть-чуть, и я смогу оплатить дорогостоящую операцию.

Щёлчок. Звук дорогой, идеально отлаженной двери, закрывающейся с глухим, уверенным стуком. Я поднимаю голову.

Из машины, чёрной и блестящей, как обсидиан, выходит он.

Сначала я вижу только ботинки. Идеально начищенные, стоящие на грязном асфальте так, будто это паркет в балльном зале. Затем – брюки безупречного кроя, тёмно-серые, из ткани, которая, кажется, стоит больше, чем я зарабатываю за полгода. Пиджак сидит на нём как вторая кожа, обрисовывая широкие плечи и узкую талию. Он словно сошёл с обложки журнала о мужчинах, которым принадлежит мир.

Он делает несколько шагов в мою сторону, и я, наконец, вижу его лицо. И задыхаюсь снова, но на этот раз не от боли.

Красив. Нет, это слово слишком простое, слишком блёклое. Резко очерченные скулы, волевой подбородок, прямой нос. Тёмные, почти чёрные волосы коротко подстрижены, но одна прядь непокорно падает на высокий лоб. Чувственные

губы сжаты в жёсткую линию. Он – произведение искусства, высеченное из холодного мрамора.

И глаза.

Они тёмно-карие, почти чёрные, и в них нет ничего. Ни сочувствия, ни испуга, ни даже злости. Только ледяное, безгливое отвращение. Он смотрит на меня так, будто я – грязь, прилипшая к его идеальному ботинку. Не человек, попавший под колёса его машины, а досадная помеха, мусор на его пути.

Этот взгляд ранит сильнее, чем удар бампера. Он проникает под кожу, вливается в самое сердце и замораживает кровь. Вся моя боль, унижение, страх – всё это отражается в его глазах и возвращается ко мне, умноженное на его презрение.

Он останавливается в паре шагов от меня, не протягивая руки, не спрашивая, жива ли я. Его взгляд скользит по моему искорёженному велосипеду, по бумагам, которые я судорожно сжимаю в руках, и, наконец, останавливается на мне. На моей потёртой куртке, на порванных джинсах, на ссадине, которая уже начинает кровоточить на щеке.

– Ты цела? – его голос под стать взгляду. Глубокий, бархатный, но лишённый всякой теплоты. Это не вопрос, это формальность. Ему плевать на ответ.

Я пытаюсь что-то сказать, но из горла вырывается лишь сиплый кашель. Я киваю, чувствуя, как по щеке катится горячая слеза. Слеза злости, бессилия.

– Отлично, – бросает он, доставая из внутреннего кармана пиджака телефон. Он даже не смотрит на меня, его пальцы быстро скользят по экрану. – Мой помощник сейчас подъедет и со всем разберётся.

Со всем разберётся. С этим мусором. Со мной.

Внутри меня что-то обрывается. Тонкая нить самообладания, на которой я держалась все эти годы. Боль в теле отступает на второй план, уступая место обжигающей, яростной волне.

– Разберётся? – мой голос звучит хрипло и чуждо, но он мой. – Вы меня сбили! Вы вылетели на перекрёсток, я ехала на зелёный!

Мужчина медленно опускает телефон и снова достаивает меня своим ледяным взглядом. В уголке его губ появляется едва заметная, презрительная усмешка.

– Это не имеет значения! Тебе всё будет компенсировано.

– Разве мы знакомы? – с трудом встаю на ноги и пошатываюсь немного.

– Не завожу таких знакомств! – мужчина презрительно осматривает меня с ног до головы.

– Тогда, может, мы однокурсники? – прожигаю хама гневным взглядом.

– Очень сомневаюсь, что ты училась в Лиге Плюща.

– Тогда почему на «ты»? – немного повышаю голос.

– Остра на язык? – мужчина достаёт из внутреннего кармана пиджака визитку и протягивает мне. – Я сейчас спешу

на встречу. Позвони позже, и я тебе всё компенсирую.

- Ну уж нет! Компенсируй мне всё прямо сейчас! – преграждаю мужчине путь к его дорожному автомобилю.

- Послушай, дорогуша! – его слова больше похожи на рычание. - Я был к тебе очень терпелив, но на этом моя выдержка иссякла! – мужская ладонь в тонкой черной кожаной перчатке тянется к моему горлу.

Вот его пальцы касаются моей шеи. Они не сжимаются. Пока нет. Они просто лежат на моей коже, и от их прикосновения по телу разбегаются ледяные мурашки. Большой палец ложится на ямочку у основания горла, прямо над бьющейся жилкой. Он чувствует мой пульс. Чувствует, как отчаянно колотится моя жизнь под его рукой.

Я смотрю в его глаза и вижу в них свое отражение — маленькую, испуганную фигурку с копной рыжих волос и расширенными от ужаса глазами. Он наклоняется ближе, и его дыхание опалает мою щеку.

- Боишься? — его голос — тихий, хриплый шёпот, который проникает под кожу, отравляя изнутри.

Я не могу ответить. Я только судорожно втягиваю воздух, который застревает в горле. Да. Я боюсь. Я боюсь до тошноты, до потемнения в глазах.

Его пальцы начинают медленно сжиматься. Давление нарастает, и воздух, который я только что вдохнула, превращается в раскалённый камень в моих лёгких.

Я сопротивляюсь. Хватаю его руку, но он лишь брезгливо

стряхивает её.

- Я таких как ты раздавил дюжину! Думаешь, смеешь так разговаривать со мной?

В ушах нарастает гул, заглушая даже стук моего собственного сердца. И в этот момент, когда тьма уже готова поглотить меня, раздается оглушительный треск.

Выстрел. Это точно выстрел. Резкий, как пощёчина, он вырывает меня из вязкого оцепенения. Хватка на моём горле мгновенно ослабевает. Я жадно хватаю ртом воздух, который обжигает лёгкие, как огонь. Кашляю, задыхаюсь, пытаюсь вернуть себе дыхание, жизнь.

— Чёрт!

Всё происходит в одно мгновение. Тот человек, что секунду назад был моим палачом, превращается в хищника. В его глазах больше нет холодной ярости, направленной на меня. Теперь там горит другой огонь — дикий, боевой, сосредоточенный на угрозе извне.

В его руке появляется пистолет. Чёрный, матовый, смертоносный. Он выглядит в его ладони так же естественно, как кисть в руке художника. И от этого осознания меня накрывает новая волна ужаса, ещё более ледяная и всеобъемлющая, чем первая. Я умираю от страха.

Мужчина хватается за шкуру и буквально кидает на переднее сидение. Выстрел, ещё один. Закрываю глаза. Пытаюсь дышать. Слышу, как заводится двигатель и машина рвёт с места.

Глава 1

- Если не хочешь вылететь через лобовое, пристегнись и держись крепче! – слова мужчины едва доносятся до моего сознания.

Пристёгиваюсь. Скрежет шин о мокрый асфальт – единственный звук, который перекрывает грохот моего сердца. Капли дождя падают на лобовое стекло, размазываясь дворниками в мутные акварельные полосы. Я вжимаюсь в холодную кожу сиденья, пальцы до боли стискивают подлокотник. Машину бросает из стороны в сторону. Каждый резкий поворот – это взрыв адреналина, который обжигает вены ледяным огнем. За нами погоня. Я не вижу их лиц, только яркие огни фар в зеркале заднего вида, которые прилипают к нашему бамперу, как голодные пираньи. Они не отстают.

Я поворачиваю голову и смотрю на его профиль. Он – воплощение опасности, той самой, от которой инстинкты кричат бежать без оглядки, но какая-то темная, первобытная часть души замирает в восхищении. Резко очерченная линия челюсти, упрямый подбородок. Прямой, почти греческий нос. Густые темные волосы влажно блестят. Мужчина невозмутим. Спокоен, как хирург над операционным столом, в то время как я распадаюсь на миллион дрожащих осколков.

Его руки уверенно держат руль. На запястье поблескивает

сталь дорогих часов, но сейчас они кажутся не аксессуаром, а частью его самого – холодного, точного механизма, созданного для выживания. Взгляд его темных глаз прикован к дороге. Он знает, что я смотрю. Знает, что я на грани истерики. И ему, кажется, совершенно все равно.

Страх рядом с ним – это нечто особенное. Он не просто животный, он почти осязаемый, густой, как туман. Я здесь, в этой машине, только потому, что он так решил. Пешка в его игре, правила которой мне неизвестны.

Очередной вираж. Меня с силой впечатывает в дверь. Визг шин разрывает барабанные перепонки. Фары преследователей на мгновение исчезают, но тут же появляются снова, еще ближе, еще наглее.

Он резко крутит руль вправо, уводя машину в узкий, темный переулок. Стены домов с облупившейся штукатуркой проносятся в сантиметрах от нас. Мусорные баки летят в стороны, как кегли, с оглушительным грохотом. Машину трясет на брусчатке так, что зубы выбивают дробь. Я вскрикиваю, вцепившись в приборную панель.

– Зачем?! – срывается с моих губ. Голос дрожит, ломается, превращаясь в жалкий писк. – Зачем ты взял меня с собой?

Он не смотрит на меня. Его внимание целиком поглощено этим безумным танцем со смертью. Лишь на долю секунды его взгляд встречается с моим в зеркале заднего вида. В его темных глазах нет ни страха, ни сочувствия. Только холодный, расчетливый блеск.

– Они видели тебя рядом со мной, – его голос ровный, почти безразличный, но от этого еще более пугающий. – Если бы я не взял тебя с собой, ты бы не прожила и пяти секунд.

Ледяная волна ужаса прокатывается по спине, заставляя волосы на затылке встать дыбом. Горло перехватывает спазм, я не могу вдохнуть.

– Разве тебе не все равно? – шепчу, сама не узнавая свой осипший голос.

Он усмехается. Краешек его губ дергается, и эта усмешка страшнее любой угрозы. Она полна презрения.

– Конечно, все равно, – бросает он. – Но в данный момент времени мне нельзя ошибаться. Твоя смерть может помешать моим планам.

Вот оно. Я – не человек. Я – переменная в его уравнении. Фактор, который может повлиять на результат. И только поэтому я еще дышу. Боль от этих слов острее, чем страх. Она пронзает насквозь, выжигая внутри все, кроме унижительной, горькой обиды. Я так хотела, чтобы он сказал что-то другое. Что угодно. Соврал бы. Но он не лжет. Он слишком жесток для такой милости.

Мы вылетаем из переулка на набережную. Река справа чернеет, как разлитая нефть, отражая редкие огни. Дождь усиливается, превращаясь в настоящий ливень. Он бьет по крыше с пулеметной очередью. Впереди – мост.

– Держись, – командует он.

И я понимаю, что сейчас произойдет нечто ужасное. Он

выжимает педаль газа в пол. Рев мотора оглушает. Мир за окном превращается в сплошной смазанный поток. Я вижу, как стрелка спидометра ползет вправо, пересекая все мыслимые и немыслимые пределы. Мост несется на нас, готовый поглотить, сожрать.

Он не собирается тормозить. Он не собирается сворачивать.

В зеркале заднего вида фары преследователей приближаются с бешеной скоростью. Они почти настигли нас. И тогда он делает это.

Резкий, нечеловечески точный рывок руля влево. Машину заносит. Мир переворачивается. Я кричу – беззвучно, потому что из горла вырывается только хриплый сип. Я вижу его лицо в профиль – ни один мускул не дрогнул. Он смотрит вперед, в точку, которую видит только он. Его челюсти сжаты так, что на скулах ходят желваки.

Мы несемся боком, прямо на встречную полосу.

Скрежет металла о металл – это звук, который, кажется, разрывает саму ткань реальности. Нас бьет. Сильно. Моя голова мотается, как у тряпичной куклы, и с силой ударяется о боковое стекло. В глазах на миг вспыхивают белые звезды, мир тонет в гулком звоне. Но это не конец. Это только начало его маневра.

Удар разворачивает нас на сто восемьдесят градусов. Теперь мы едем задом наперед. Машина преследователей, ослепленная нашим внезапным разворотом, пытается уйти

от столкновения, ее заносит на мокром асфальте. Я вижу расширенные от шока глаза водителя за лобовым стеклом, прежде чем он врежется в ограждение моста. Сноп искр взлетает в вечернее небо, как фейерверк в преисподней.

Но он не дает мне и секунды на осознание. Еще один рывок руля, виртуозный, отточенный до миллиметра. Наша машина, взвизгнув шинами, снова разворачивается и продолжает движение вперед, оставляя позади искореженный автомобиль и хаос.

Я тяжело дышу, пытаюсь проглотить вязкий ком в горле. В виске пульсирует тупая боль от удара. Я подношу руку к голове – пальцы становятся липкими и теплыми. Кровь. Я смотрю на него, и страх смешивается с чем-то новым, темным и неправильным. Восхищением. Я ненавижу себя за это чувство, но оно есть. Оно поднимается со дна души, как болотный газ. Восхищение его дьявольской точностью, его ледяным самообладанием, его абсолютной, безграничной властью над ситуацией. Над скоростью. Над смертью.

– Ты ранена, – констатирует он, не глядя. Его голос все так же ровен, но в нем появляются новые нотки. Металлические. Раздраженные.

– Ничего, – выдавливаю я.

Он бросает на меня короткий, злой взгляд. Его глаза в полумраке салона кажутся черными провалами.

– Я сказал, мне нельзя ошибаться. Твоя кровь на моем сиденье – это ошибка.

И снова боль. Не от раны на голове, а от его слов. Острая, как осколок стекла в сердце. Он беспокоится не обо мне. Он беспокоится о чистоте своей машины. О безупречности своего плана. Я для него – грязное пятно, которое нужно стереть.

Мы съезжаем с моста и ныряем в лабиринт промышленных зон. Ржавые заборы, заброшенные склады, слепые окна цехов. Город умер в этой его части. Он сбрасывает скорость, машина теперь движется почти бесшумно, крадучись, как зверь, выслеживающий добычу. Он постоянно смотрит в зеркала, его тело – натянутая струна.

Наконец, он сворачивает в глухой тупик, заставленный контейнерами, и глушит мотор. Тишина, которая наступает после рева двигателя, оглушает. Слышно только, как дождь барабанит по крыше и как остывает металл.

Глава 2

Воздух в салоне пахнет дорого. Это его запах. Запах мужчины, сидящего рядом. Он молчит, и это молчание давит сильнее любых слов. Холодный. Красивый. Опасный.

Вибрация телефона в кормане кажется оглушительным разрядом тока. Я вздрагиваю, смотрю на экран. Начальник. Сердце ухает вниз, в ледяную пропасть. Беру трубку, палец чуть дрожит.

- Так и знал, что подведёшь, - голос в динамике режет без ножа, сухой и безжалостный, как треск сухого сучка под ногой. - Нана, в твоём положении нельзя было так косячить. Клиент в бешенстве. На этом всё. Больше можешь не приходить.

В горле встает колючий ком.

- И кстати, - добивает он с ленивой жестокостью. - Я позабочусь о том, чтобы ты нигде больше курьером не могла устроиться.

- Но... - это всё, что я могу выдохнуть. Жалкий, беспомощный звук.

Короткие гудки. Конец.

Я смотрю на погасший экран, и реальность обрушивается на меня лавиной. Нет работы. Нет денег. Снова поиски работы. Горячая, острая волна поднимается из груди, обжигает горло и вырывается наружу беззвучными, судорожными ры-

даниями. Слёзы текут по щекам, горячие и горькие, как яд. Я зажимаю рот ладонью, чтобы не издать ни звука, чтобы не показать этому ледяному истукану рядом, как мне больно, как меня разрывает на части.

- Выходи!

Его голос, низкий и раздраженный, врывается в мой кокон отчаяния. Он даже не смотрит на меня. Просто бросает слова в пространство, как мусор.

- Тебе всё будет компенсировано на днях.

Я резко вытираю слёзы тыльной стороной ладони.

- Компенсируй сейчас!

Мужчина наконец поворачивает голову. Его глаза изучают меня с брезгливым любопытством. Уголок его идеальных губ чуть кривится.

— Вы, нищелюбы, невероятно наглые. Давай контакты!

В его взгляде нет ни сочувствия, ни понимания – только холодная оценка, словно он решает, стоит ли бросить кость наглой уличной собаке. Затем, с едва заметным вздохом, он достает свой телефон. Тонкий, черный, без единой царапины – само совершенство. Его длинные пальцы с ухоженными ногтями быстро скользят по экрану. Я диктую номер своей карты.

Несколько мучительных секунд тишины, нарушаемой лишь тихим шелестом шин по асфальту и моим сбивчивым дыханием. Потом мой телефон коротко вибрирует. На экране высвечивается уведомление: «Зачисление двести тысяч

рублей». Отправитель: Роман Богданович С.»

Двести тысяч. Не так уж и много. Первое время продержаться хватит. Не решаюсь просить больше. Страшно.

- Проваливай! — на этот раз его голос звучит иначе. В нем нет прежней ленивой брезгливости. Теперь в нем звенят низкие, угрожающие ноты.

- Не собиралась тут и секунды оставаться! — выплевываю.

Дергаю ручку двери. Тяжелая, холодная, она поддается не сразу. Как же хочется выскочить из машины и со всей дури хлопнуть этой чертовой дверью. Чтобы звук удара пронесся по этому шикарному салону, чтобы он вздрогнул, чтобы на его идеальном лице отразилось хоть что-то, кроме ледяного безразличия.

Моя рука уже занесена для удара. Но в последнюю долю секунды, когда мышцы уже напряглись, в голове вспыхивает ледяная мысль. Последствия. Этот автомобиль стоит больше, чем я заработаю за всю свою жизнь. Он не простит. Такие, как он, не прощают. Он найдет меня. Он сотрет меня в порошок, и мой бывший начальник покажется мне милым котенком. Больше не хочу проблем. Хватит.

Я заставляю себя разжать пальцы. Медленно, с нечеловеческим усилием воли, я прикрываю дверь. Она входит в паз с тихим, мягким щелчком. Звук роскоши и безупречной инженерии.

Каждая капля дождя, попадая на кожу, обжигает, смешивается с кровью, стекающей по виску, и превращается в

липкую, розовую струйку. Я стою, покачиваясь, на разбитом асфальте, а мир вокруг плывет, как акварельный рисунок, размытый этим бесконечным потоком. Голова гудит, низко и протяжно, словно внутри неё застрял огромный шмель. Пульсация в затылке отдаёт в зубы, и я сжимаю челюсти, чтобы не плакать.

Я в промышленной зоне. Уродливые коробки складов, ржавые заборы с колючей проволокой, грязные окна. Ни одной живой души. Как я доберусь домой? Мысли вязкие, неповоротливые. Такси. Да, нужно вызвать такси. За спиной оживает мотор. Этот звук, рычащий, сытый, впивается в мой мозг иглами. Я не оборачиваюсь. Машина трогается, медленно, нехотя, словно хищник, оставляющий свою полуживую добычу.

Дрожащими пальцами достаю из кармана телефон. Экран влажный, сенсор не слушается. Я вытираю его рукавом промокшей куртки, оставляя на стекле кровавый развод. Нужно просто открыть карту, определить, где я, и нажать кнопку вызова. Простое действие, которое сейчас кажется невыполнимым.

И в тот момент, когда на экране наконец появляется точка моего местоположения — крошечный синий маячок посреди серого ничто, - мир взрывается.

Резкая, ослепляющая вспышка боли пронзает голову от затылка до самых глаз. Это не просто боль, это электрический разряд, который выключает всё тело. Ноги подкаши-

ваются, становятся ватными, и я падаю на колени. Прямо в грязную, холодную лужу. Острые камни под асфальтом впи-
ваются в кожу, прорывая джинсы. Боль в коленях - новая,
свежая, почти отрезвляющая на фоне того пожара, что бу-
шует в моей голове.

Телефон выскальзывает из ослабевших пальцев и с тихим
всплеском тонет в мутной воде.

Я пытаюсь подняться. Цепляюсь за воздух, за собственное
отчаяние, за желание жить. Но тело больше не моё. Оно - тя-
желый, непослушный мешок с костями. Сознание, как вода
в раковине, стремительно уходит в темную воронку. В глазах
темнеет, звуки глохнут, превращаясь в глухой гул. Я отчаян-
но борюсь, пытаюсь удержаться на поверхности, зацепиться
за любую мысль, за любой образ. Но тьма неумолима. Она
затягивает, обещая покой, которого я так отчаянно жажду.

Последнее, что я вижу, прежде тем, как тьма поглощает
меня целиком, это свет фар. Я умру здесь. Он не поможет.
Бабушка, прости меня!

Глава 3

Туман в голове медленно рассеивается, уступая место гулкой, пульсирующей боли. Она начинается где-то в затылке, раскаленной иглой пронзает виски и взрывается тысячей осколков в глазах. Каждый удар сердца отзывается новым приступом тошноты. Я пытаюсь застонать, но из горла вырывается лишь сухой, царапающий хрип.

По ощущениям моё тело - сплошной синяк. Оно ноет, будто меня долго и методично били, а потом пропустили через мясорубку. С трудом разлепляю веки. Свет кажется нестерпимо ярким, режет глаза, заставляя снова зажмуриться.

Вторая попытка. Мир проступает сквозь пелену слез. Высокий потолок, современная дорогая обстановка. Воздух пахнет чем-то дорогим и чужим. Это точно не моя съемная квартирка на окраине.

Пальцы сами тянутся к голове, нащупывают источник самой острой боли. Под волосами плотная, шершавая повязка. Бинты. Взгляд скользит ниже, к руке. Что-то мешает, тянет. Тонкая прозрачная трубка уходит от моего запястья к металлической стойке с пакетом какой-то жидкости. Капельница.

Это точно не больница. Больше похоже на номер в пятизвездочном отеле. Лично никогда не была, но видела в фильмах. Сердце пропускает удар, а потом заходится в паниче-

ском ритме. Нет. Не может быть. Этот ледяной монстр, этот бездушный ублюдок... Он бы скорее оставил меня истекать кровью на асфальте, чем привез к себе. Он бы перешагнул и не заметил.

- Вы пришли в себя!

Голос, незнакомый, сдержанный, заставляет меня вздрогнуть. Резко сажусь на кровати, и мир качается, грозя снова поглотить меня тьмой. Цепляюсь за шелковое одеяло, как за спасательный круг.

Передо мной стоит мужчина. Высокий, темноволосый, в идеально сидящем костюме. У него правильные черты лица, строгий взгляд и плотно сжатые губы. Симпатичный, наверное. Но его красота земная, обыденная, лишенная той дьявольской, хищной притягательности, что у Романа. В этом мужчине нет ни капли того холода, что замораживал душу.

- Кто вы? - мой голос звучит слабо и хрипло. Инстинктивно натягиваю одеяло до самого подбородка, пытаюсь спрятаться.

Он не отвечает, лишь слегка склоняет голову.

- Почему я здесь? - напеираю, игнорируя его молчание.

- Вы потеряли сознание от полученных травм. Роман Богданович привез вас к себе домой.

Значит, все-таки он. Значит, я в логове зверя.

- Почему не в больницу? - выдавливаю, чувствуя, как леденеют кончики пальцев.

- Это было невозможно. Могло привлечь ненужное вни-

мание, - его тон ровный, безэмоциональный, будто он зачитывает биржевую сводку. - Но не беспокойтесь. Вас осматривал лучший врач. Все будет хорошо.

- А вы, собственно, кто?

Одним резким движением я выдергиваю иглу из вены. Капля крови расцветает алым пятном на бледной коже. Спускаю ноги с кровати, и только сейчас замечаю, что на мне не моя одежда. Тонкая шелковая сорочка, чужая, дорогая, скользит по телу, и волна унижения обжигает щеки.

- Какого черта? Кто меня переодевал?

- Меня зовут Дмитрий. Я личный помощник Романа Богдановича, - мужчина делает едва заметный шаг назад, словно опасаясь моей реакции. - Прошу, не переживайте. Вас переодевала медсестра. Женщина.

- Большое спасибо вам за все, - цежу я сквозь зубы. - Где мои вещи? Мне пора!

Я делаю шаг, но ноги подкашиваются, и я вынуждена опереться на столбик кровати. Голова кружится, комната плывет перед глазами.

- Не так быстро!

Этот голос. Низкий, с ледяными, бархатными нотками, он проникает под кожу, заставляя каждый нерв натянуться до предела. Я замираю, не смея обернуться, но чувствую его присутствие спиной, кожей, каждой клеткой. Он здесь. Роман Богданович. Поворачиваюсь.

Он стоит в дверном проеме, заполнив его своей внуши-

тельной фигурой. Идеально скроенный черный костюм, белоснежная рубашка, расстёгнутая на верхнюю пуговицу. Он небрежно засунул руки в карманы брюк, и эта поза источает такую власть и уверенность, что воздух в комнате становится плотным, вязким, его трудно вдыхать. Его темные глаза, в которых можно утонуть и замёрзнуть насмерть, впиваются в меня, медленно скользят по тонкой ткани сорочки, по расчёпанным волосам, по бинтам на голове. В его взгляде нет ни капли сочувствия. Только холодное, оценивающее любопытство хищника, разглядывающего свою добычу.

- Перед твоим уходом нужно кое-что обсудить! - он делает шаг в комнату, и Дмитрий, его помощник, бесшумно отступает в сторону, словно тень.

Молчу. Слова застревают в горле колючим комком. Что я могу ему сказать? Что хочу бежать от него без оглядки? Что его присутствие причиняет мне почти физическую боль, сравнимую с той, что пульсирует в висках?

- Что нам обсуждать? - выдавливаю, заставляя себя поднять на него взгляд. Смотрю прямо в эти бездонные, холодные глаза. - Я хочу домой.

На его губах появляется усмешка. Жестокая, пренебрежительная.

- Подпишешь соглашение о неразглашении и можешь идти куда хочешь.

Я поднимаю подбородок, встречаясь с ним взглядом.

- Я всё подпишу. Всё равно не собиралась трепаться. Да-

вай сюда соглашение.

- А ты наглая. Никто не смеет так дерзко со мной разговаривать.

Уголок его рта чуть дёргается в усмешке, но глаза остаются холодными. Он смотрит на меня так, будто я диковинное насекомое под микроскопом, а не человек. И это бесит. Бесит до дрожи в кончиках пальцев.

- Ты первый начал, - осматриваю комнату в поисках своей одежды. – Где моя одежда?

- В мусорном баке.

- Что? Кто тебе позволил? – с трудом сдерживаю волну ярости. Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, оставляя на коже багровые полумесяцы. Боль отрезвляет, но лишь на секунду. – Как мне теперь домой идти?

- Твоя одежда была слишком грязной! Дмитрий купит тебе новую. Просто подожди.

- Ты так добр, - говорю я, и слова сочатся ядом, обёрнутым в приторный мёд. Голос становится сладким, елейным, и я вкладываю в него всё презрение, на которое способна. Я вижу, как его лицо на мгновение искажается, будто он откусил что-то горькое.

Он оказывается возле меня слишком быстро, я даже пикнуть не успеваю. Один шаг, и вот он уже здесь, нависает надо мной, как грозовая туча, отбрасывая тень, которая поглощает меня целиком. Его горячие руки ложатся на мои плечи. Пальцы впиваются в кожу, как когти хищника, и я невольно

издаю сдавленный стон боли и удивления. В его глазах тут же вспыхивает опасный, хищный огонь.

- Не разговаривай так со мной, Нана, - шипит мужчина, и его дыхание, пахнущее дорогим парфюмом, обжигает мне щеку. - Пожалеешь.

Его близость оглушает. Я чувствую жар его тела сквозь тонкую ткань, ощущаю его запах. Ярость, которая кипела во мне, мгновенно остывает, сменяясь ледяным, животным ужасом. Этот человек не просто зол. Он наслаждается властью. Он упивается моим страхом, питается им, как вампир кровью.

Я киваю. Медленно, покорно. Лучше не спорить с этим мужчиной. Что его так разозлило?

Роман отпускает меня так же внезапно, как и схватил. Я пошатываюсь, инстинктивно делая шаг назад, и спиной упираюсь в холодное стекло панорамного окна. Поворачиваюсь. Город внизу сияет миллионами огней, живёт своей жизнью, не подозревая о маленькой драме, разыгрывающейся на этой вершине мира.

Глава 4

Я поворачиваюсь к Роману. Он стоит, скрестив руки, и электрический свет вычерчивает резкие линии его профиля. Темные, почти черные волосы коротко стрижены, на скулах проступают желваки. На вид лет тридцать, может, чуть меньше. Взгляд у него такой, будто он уже видел конец света и остался не впечатлен.

Мужчина достает из кармана идеально скроенных брюк маленький флакон и с резким шипением прыскает себе на ладони. Антисептик. Запах спирта бьет в нос, стерильный и едкий. Он тщательно растирает жидкость по коже, между пальцами, под ногтями. словно смывает невидимую грязь.

- Ты это сейчас что? После того, как ко мне прикоснулся, решил... очиститься?

Он даже не смотрит в мою сторону. Просто продолжает методично втирать средство в кожу, пока оно полностью не испаряется.

- Именно.

- По-твоему, я настолько грязная?

Молчание. Оно гуще и тяжелее любого ответа. Роман наконец поворачивает голову, и его глаза - два осколка темного льда, скользят по мне. По моим голым плечам, по тонкой ткани шелковой сорочки, которая едва прикрывает колени.

- Когда принесут одежду? - обхватываю плечи руками, пы-

таясь согреться, но дрожь не унимается.

- Успокойся и жди, - мужчина бросает так, словно я надоедливая муха, жужжащая над ухом.

Роман разворачивается и направляется к двери. Его шаги четкие, уверенные, без малейшего колебания. Дверь бесшумно открывается и так же бесшумно закрывается за его спиной. Щелчок замка звучит как выстрел. Меня что, заперли? Да я и не собиралась бежать в одной ночной рубашке. Чтобы убедиться в догадке, подхожу к двери и пытаюсь открыть. Дверь не поддается.

Я одна в этой стерильной, безликой комнате. Воздух все еще пахнет спиртом и его дорогим парфюмом. Я смотрю на закрытую дверь, на то место, где он только что стоял.

- Придурок, — выдыхаю я в пустоту.

Примерно через полчаса дверь открывается. На пороге стоит Дмитрий, в руке бумажный пакет.

- Нана, переоденьтесь и выходите.

В пакете оказываются вещи. Брюки из плотной, струящейся ткани, на вид стоят как моя месячная аренда. Кашемировый свитер цвета топлёного молока, нежный и воздушный. Пальто - бежевое, классическое, и кожаные сапожки.

Натягиваю брюки, свитер. Провожу пальцами по волосам, пытаюсь их хоть как-то уложить. Взгляд цепляется за отражение в зеркале. Бледное лицо, почти прозрачное. На скуле алеет свежая ссадина. И волосы. Огненно-рыжие, почти кричащие. Я выбрала этот цвет вчера, в маленькой ванной

своей съемной квартиры, когда мир казался особенно серым. Мой настоящий цвет волос - светлый. А эти яркие пряди - моя жалкая попытка раскрасить жизнь, добавить в нее хоть каплю огня, раз уж внутри все выгорело дотла.

Я выхожу из спальни и попадаю в гостиную. Пространство огромное, залитое холодным светом. Минимализм, стекло, металл, приглушенные тона. Здесь явно поработал дорогой дизайнер.

Дмитрий жестом указывает на диван. Я сажусь на самый краешек, как можно дальше от Романа, инстинктивно вжимаясь в мягкую обивку. Перед нами низкий кофейный столик из темного дерева. На его глянцевой поверхности лежат несколько листов бумаги и ручка.

- Подпиши, - мужчина говорит жестко, без предисловий. - Если решишь болтать, заплатишь неустойку. Миллион рублей.

- Миллион? - глаза сами собой округляются. В горле застревает целый ворох ругательств, едких и злых. Я сглатываю их, чувствуя, как они царапают пищевод.

Беру ручку. Пальцы слегка дрожат, но я заставляю их подчиниться. Подпись выходит корявой, злой, рваной. Я ставлю ее на всех экземплярах и с силой отталкиваю бумаги от себя. Резко встаю.

Хочется бежать отсюда, от его ледяного взгляда, от этой выхолощенной роскоши.

- Где мой телефон? - оглядываюсь.

Помощник Дмитрий, не меняя позы, протягивает его мне. Мой телефон лежит на его широкой ладони.

- Счастливо оставаться, - хватаю телефон, разворачиваюсь и иду к входной двери, чеканя шаг по безупречному паркету. Спинай чувствую взгляд Романа. Тяжелый, изучающий.

- Мой помощник отвезет тебя, - доносится мне в спину.
- Ой, да не утруждайся! - ядовитая любезность срывается с моего языка сама собой.

Рывком открываю тяжелую дверь и вываливаюсь из квартиры. За спиной щелкает замок. Я прислоняюсь лбом к холодной стене, пытаюсь отдышаться.

Больше мы не увидимся с этим чудовищем. Никогда.

Вылетев на улицу, я жадно глотаю холодный ноябрьский воздух. Определяю своё местоположение и вызываю такси. Хочется поскорее оказаться дома.

Вскоре я открываю старенькую дверь своей съёмной квартиры. Облегченно выдыхаю, стягиваю с себя одежду. Бросаю её на стул. Иду в ванную. Струйки воды с шипением наполняют старую чугунную ванну, и пар, пахнувший лавандовой солью, окутывает меня, словно мягкое одеяло. Я погружаюсь в горячую воду, и тело отзывается на это блаженство тихой, ноющей болью. Каждый мускул, напряженный до предела за этот бесконечный день, наконец-то расслабляется. Закрываю глаза.

Перед внутренним взором всё ещё мелькает этот жестокий мужчина. Сегодня я дам себе отдохнуть, а завтра при-

ступлю к поиску работы.

Денег на операцию бабушке уже хватает. Эта операция подарит ей еще несколько лет жизни, несколько лет её тёплых, пахнущих пирогами объятий. Я пересчитала всё до копейки. Хватает. Впритык, но хватает. А вот мне... мне на жизнь не остается. Ничего. Я справлюсь. Бабушка важнее. Она единственный родной человек, который у меня остался. И пока горит её свет, я найду дорогу. Я выплыву.

Глава 5

Смотрю на себя в зеркало в тускло освещенной раздевалке. Сегодня мои волосы цвета ядовитой фуксии, чересчур яркий макияж и слишком короткая юбка, обтягивающая бедра так, что становится трудно дышать. Ткань едва прикрывает то, что положено скрывать, и я нервно одергиваю подол. Бесполезно.

- Терпи, Нана, - шепчу я своему отражению. - Это всего на пару ночей.

Пара ночей, которые принесут деньги. Деньги, которые нужны так отчаянно, что воздух в легких заканчивается при одной мысли о счетах. Бабушкина операция прошла успешно, но восстановление... Восстановление стоит целое состояние. И когда Кристинка, порхающая по жизни легкомысленным мотыльком, предложила это место, я, сцепив зубы, согласилась. Элитный клуб. Место, где деньги льются рекой, а чаевые за одну ночь могут покрыть месячную аренду.

- Готовы, куколки? - в дверях возникает лоснящаяся физиономия начальника, и его масляный взгляд скользит по моим ногам, задерживаясь на голых коленях. - Сегодня твоя комната двести восьмая, Нана. Ты уж постарайся. Клиенты важные.

Я молча киваю, стараясь не дышать его приторным парфюмом. Он подталкивает ко мне тележку, уставленную бу-

тылками с янтарными и прозрачными жидкостями. Хрустальные бокалы на ней тихонько звенят, словно предупреждая об опасности.

- И еще, - добавляет он, понизив голос до заговорщицкого шепота. - В двести девятую ни ногой. Сегодня там Берестов. Этот кровожадный дьявол ломает жизни одним щелчком пальцев. Рядом с ним лучше не дышать. Если его побеспокоишь, — начальник делает многозначительную паузу, — вряд ли выйдешь отсюда живой. Поняла?

Я снова киваю, чувствуя, как немеют пальцы, вцепившиеся в ручку тележки.

Коридор тонет в багровом полумраке, а гулкая музыка из основного зала проникает даже сквозь толстые стены. Качу свою звенящую повозку мимо двери с табличкой «209». Смотрю в окошко. Сердце пропускает удар, а потом заходит-ся в бешеном, рваном ритме.

В кресле сидит мужчина. Это он. Роман. Точно дьявол. Буду держаться от него так далеко, как только возможно. Я торопливо отворачиваюсь и ныряю в спасительную дверь с номером «208».

Внутри облако сигарного дыма и трое мужчин. Они развалились на кожаных диванах, и их оценивающие взгляды впиваются в меня, словно булавки. Я заставляю себя улыбнуться, но губы кажутся деревянными.

- Виски, красавица. И побыстрее, - бросает один из них, самый крупный, с бычьей шеей и маленькими глазками, уто-

пающими в жировых складках.

Я подкатываю тележку, и мои руки слегка дрожат, когда я беру тяжелую хрустальную бутылку. Лед звякает о стекло, я разливаю янтарную жидкость по бокалам. Стараюсь двигаться плавно, грациозно, как учила Кристинка.

- Ты продаешь не напитки, а фантазию, - говорила она. Моя фантазия сейчас это выжить в этой комнате и уйти с деньгами.

Наклоняясь, чтобы поставить бокал на столик, я чувствую, как чужие пальцы скользят по моей талии. Я резко выпрямляюсь, отшатнувшись. Мужчина, тот, что помоложе, с самодовольной ухмылкой, не убирает руку.

- Какие мы дикие, - тянет он, и его друзья гогочут.

Я игнорирую его, переходя к следующему. Но это только начало. Каждый раз, когда я оказываюсь рядом, чья-то рука «случайно» касается моего бедра, плеча, пытается ухватить за талию. Я уворачиваюсь, отступаю, сохраняя на лице застывшую, вежливую маску. Внутри все сжимается от омерзения.

«Терпи, Нана, терпи. Заработаешь на пропитание и лекарства, и не придется сюда больше приходить»

Эта мысль, как мантра, стучит в висках, перекрывая сальные шуточки и липкие взгляды. Внезапно тот самый крупный, с бычьей шеей, хватает меня за запястье. Резкий рывок, и я, потеряв равновесие, с коротким вскриком падаю ему на колени. Ткань юбки задирается до неприличия высоко. Тош-

нота желчью подкатывает к горлу. От него несет дорогим алкоголем, потом и чем-то еще, животным, отвратительным.

- Выпей со мной, красавица, - рычит он мне в ухо, его дыхание обжигает кожу. - Зачем ломаешься? Цену себе набираешь?

Я отчаянно вырываюсь, упираясь руками в его широченную грудь, но он лишь сильнее сжимает меня, сминая в своих объятиях. Другие двое смотрят на это представление с ленивым интересом, смеются.

- Отпустите меня! - голос срывается.

- Сначала выпьешь, - он подносит к моим губам бокал с какой-то мутной жидкостью, пахнувшей слишком сладко. Я отворачиваюсь, но его пальцы сжимают мою челюсть, заставляя открыть рот. Горло обжигает, когда жидкость проливается внутрь, и я закашливаюсь, чувствуя, как по телу расплывается липкое тепло. Смех за спиной становится громче.

Бокал разбивается о пол, и этот звон будто возвращает мне способность двигаться. Резкий рывок и я выскальзываю из его рук, почти падаю, но успеваю ухватиться за край стола. Сердце бешено колотится.

- Стоять! - орёт он, поднимаясь, но я уже бегу.

Коридор встречает меня холодом и гулом музыки. Каблуки стучат по полу, дыхание сбивается, перед глазами всё плывёт. Мир будто наклоняется, стены дрожат. Что-то не так. Мне так жарко. Он что-то подсыпал.

- Убегать вздумала? – мужчина практически догоняет ме-

ня.

Пульс запредельный, ноги подкашиваются, будто я бегу по воде. Коридор тянется бесконечно, красные лампы мигают, превращая всё вокруг в кошмарный калейдоскоп. Я хватаюсь за стену, но пальцы не слушаются, скользят по холодному металлу.

- Подразнила и бросила? - он уже рядом, дыхание горячее, липкое, как сама ночь. - Я тебе покажу, как ломаться!

Я не думаю. Просто разворачиваюсь и со всей силы пинаю его ногой. Каблук врезается в его колено, он рычит, но не падает. Я отшатываюсь. Голова кружится, мир расплывается. Бегу.

Натыкаюсь на чьё-то тело. Твердое, неподвижное, как стена. От удара отшатываюсь, но сильные руки ловят меня прежде, чем я падаю.

Запах. Этот запах я узнаю мгновенно. Поднимаю глаза и вижу его. Романа.

- Помоги мне, - шепчу я, едва шевеля губами. Голос чужой, хриплый.

Он не двигается. Только угол его рта чуть дергается, будто от усмешки.

- Уверена, что справишься с последствиями?

- Просто помоги, - я хватаюсь за его рукав, пальцы дрожат.
- Плевать на последствия.

Мужчина смотрит на меня еще секунду, затем молча закидывает меня на плечо, легко, будто я ничего не вешу. Мир

качается, свет гаснет, и только его шаги звучат ровно, уверенно. Сквозь туман я чувствую тепло его руки на своей спине, странно спокойное, почти нежное. Это была последняя мысль перед тем, как провалиться в темноту.

Глава 6

Голова раскалывается, будто внутри кто-то включил перфоратор. Веки свинцовые, и я с трудом разлепляю их, пытаюсь сфокусировать взгляд. Мягкая кожа, приглушенный свет уличных фонарей, скользящий по окну, и мерное покачивание. Я на заднем сиденье машины.

Туман в сознании постепенно рассеивается, уступая место другому, куда более сильному ощущению. По телу разливается тягучая, мучительная истома. Жар, который зарождается где-то внизу живота и волнами расходится до самых кончиков пальцев. Это невыносимое томление, животное, первобытное, заставляющее кожу гореть, а дыхание сбиваться.

Рядом со мной сидит мужчина. Резкая линия подбородка, темные волосы, падающие на лоб. Он не смотрит на меня, его взгляд устремлен вперед, на мелькающие огни ночного города. Но я ощущаю его всем своим существом. Его присутствие заполняет все пространство, вытесняя воздух. А его запах... О, боги. У меня сносит крышу. Этот аромат проникает под кожу, заставляет кровь бежать быстрее, превращая томление в откровенное, болезненное желание.

Разум кричит: «Опасно!», но тело его уже не слушает. Оно живет своей жизнью, подчиняясь инстинктам. Моя рука, словно сама по себе, медленно поднимается и тянется к нему. Я хочу коснуться его плеча, обтянутого дорогой тка-

нюю пиджака, почувствовать под пальцами твердость мышц, убедиться, что он реален.

Внезапно его рука молниеносно перехватывает мое запястье. Пальцы сжимаются крепко, но не больно, властно. Он поворачивает голову, и я тону в его темных, почти черных глазах. В них нет ни капли тепла, только холодный, обжигающий лед.

- Держи себя в руках, Нана, - его голос низкий, с хрипотцой, от которой по спине бегут мурашки. - Я не тот мужчина, к которому можно прикасаться, когда вздумается.

Это же Роман. По телу проносится дрожь. Опасный. Властный. Тот, от кого нужно держаться подальше. Но сейчас мне так жарко, так невыносимо, что все предупреждения кажутся пустым звуком. Нет сил терпеть. Разум отключился окончательно, уступив место чистому, незамутненному желанию.

Одним резким, текучим движением я подаюсь вперед, высвобождаю свою руку из его хватки и оказываюсь у него на коленях, верхом. Его тело напрягается подо мной, становится каменным. Я чувствую каждый его мускул. Смотрю ему прямо в глаза, видя, как в их глубине вспыхивает темный огонь.

Мои пальцы скользят по его груди, расстегивая верхнюю пуговицу на его белоснежной рубашке. Ткань дорогая, гладкая, и под ней сталь. Я чувствую, как бешено колотится его сердце. Или это мое?

Наклоняюсь ниже, вдыхая его запах полной грудью, почти теряя сознание от этого головокружительного коктейля. Мои губы находят его шею, там, где пульсирует жилка. Я касаюсь ее кончиком языка, пробуя его кожу на вкус. Соленая, горячая. Провожу влажную дорожку до самого уха, легко прикусывая мочку. Он сдавленно выдыхает сквозь стиснутые зубы, и этот звук для меня слаще любой музыки.

- Сумасшедшая, - рычит он, и вибрация его голоса проходит сквозь меня, заставляя все внутри трепетать.

Его руки жестко хватают мои, которые уже нагло шарят по его груди, пытаюсь пробраться под рубашку, к раскаленной коже. Он с силой отрывает их от себя и одним резким, легким движением возвращает меня на место.

Я разочарованно всхлипываю. Звук получается жалким, словно у ребенка, у которого отняли любимую игрушку. Тепло ломит от неудовлетворенного желания, от резкого обрыва этого пьянящего контакта. Холодно. Сразу стало невыносимо холодно, хотя в машине по-прежнему тепло.

- Врач уже на месте, - голос с водительского сидения привлекает моё внимание.

- Красавчик, - подаюсь вперед к водителю. – А ты не хочешь развлечься со мной?

В ответ раздаётся кашлянье.

Роман резко поворачивается ко мне. Его взгляд темный, яростный, прожигающий насквозь. Он наклоняется так близко, что я чувствую его горячее дыхание на своих губах.

Мне кажется, еще миллиметр, и он меня поцелует. Грубо, жадно, так, как я сейчас хочу.

- Успокойся сейчас же, - Роман рычит мне на ухо. – Иначе пожалеешь.

Его голос звучит уж слишком угрожающе. Откидываюсь на сидение и умираю. Мне очень плохо. Могу только извиняться и стонать. Так жарко и холодно одновременно.

Машина замирает так внезапно, что мое тело по инерции дергается вперед. Сильная рука удерживает меня на месте. Дверь с моей стороны распахивается. Холодный ночной воздух на мгновение приводит в чувство, но тут же отступает под натиском его жара. Роман не говорит ни слова. Просто наклоняется, его силуэт полностью заслоняет тусклый свет уличного фонаря. Его рука обвивает мою талию, выдергивая меня из машины так, словно я тряпичная кукла.

Земля уходит из-под ног. Или я просто не успеваю ее коснуться. Его вторая рука подхватывает меня под коленями, и вот я уже на его руках, прижатая к широкой, твердой груди. Мои руки сами собой, инстинктивно, находят дорогу к его шее и крепко сцепляются в замок. Я утыкаюсь носом в изгиб его плеча, вдыхая до боли знакомый, терпкий аромат его парфюма, смешанный с запахом кожи и едва уловимой ноткой сигаретного дыма.

Его шаги быстрые, уверенные, яростные. Он несет меня, и я чувствую, как напрягаются мышцы его спины при каждом движении. Я слышу, как тяжело и прерывисто он дышит. Он

зол. В бешенстве. И эта его ярость сейчас почему-то не пугает, а, наоборот, приносит странное, извращенное успокоение. Она означает, что ему не все равно.

Щелчок замка, скрип двери. Мы снова в его квартире. В его логове. Воздух здесь пропитан им. Он не останавливается в прихожей, проносит меня через гостиную, и я мельком вижу на диване незнакомого мужчину в очках, который тут же поднимается нам навстречу. Но Роман не обращает на него внимания.

Дверь в спальню распахивается от сильного толчка. Еще пара шагов и Роман швыряет меня на огромную кровать. Я падаю на мягкое покрывало, которое кажется облаком, готовым поглотить меня целиком. Я хочу что-то сказать, извиниться, объяснить, но язык не слушается. В горле стоит ком, а в глазах горячие, злые слезы.

Роман выпрямляется, нависая надо мной, как грозовая туча. Его лицо маска из мрамора, но в глубине темных глаз бушует пожар. Он смотрит на меня так, будто хочет испепелить. Или впечатать в эту кровать навсегда. Его пальцы сжимаются в кулаки, костяшки белеют. Мне кажется, я слышу, как скрипят его зубы.

В спальню входит тот самый мужчина в очках. Теперь я вижу, что на нем строгий костюм, а в руках небольшой медицинский саквояж. Врач.

Роман стоит у стены, скрестив руки на груди, и его взгляд, тяжелый, как расплавленный свинец, не отрывается от меня.

Он сверлит, прожигает, будто требует ответа на незаданные вопросы.

Врач присаживается на край кровати. Его прикосновения прохладные, профессиональные. Он берет мою руку, нащупывает пульс. Задает какие-то вопросы, но я отвечаю невпопад, слова путаются, мысли разбегаются. Мое внимание целиком приковано к темной фигуре у стены. К его ярости, которая ощущается почти физически, наполняя комнату густым, наэлектризованным озоном.

- Давление низкое, пульс частый. Обезвоживание и, похоже она что-то приняла. Поставим капельницу, это быстро приведет ее в норму, - констатирует врач, доставая из сакvoja все необходимое.

Я чувствую легкий, холодный укол в вену на сгибе локтя. Врач закрепляет иглу пластырем.

- Поспит и все пройдет, - говорит врач, поднимаясь. Он обращается к Роману, но тот не реагирует. - Я оставлю успокоительное на тумбочке. На всякий случай. Позвоните, если что-то изменится.

Мужчина уходит, тихо прикрыв за собой дверь. Мы остаемся одни. Тишина давит, звенит в ушах. Я смотрю на него, а он на меня. И в этом молчании крика больше, чем в любом скандале.

Наконец он двигается. Подходит к кровати, но не садится. Роман опускается на одно колено, оказываясь на одном уровне со мной. Его рука тянется к моему лицу, и я инстинк-

тивно вздрагиваю. Но он лишь убирает с моей щеки прилипшую прядь волос. Его пальцы обжигают кожу, даже сквозь подступающее лекарственное оцепенение.

Глава 7

Его лицо так близко, что я могу рассмотреть каждую ресничку, каждую золотистую искорку в его потемневших, почти черных глазах. Но в них нет ни тепла, ни нежности. Только ледяная, первобытная ярость.

Его пальцы медленно, почти ласково, скользят от моей щеки вниз, по линии челюсти, к шее. Секундное, обманчивое прикосновение, а потом... хватка. Сильная, безжалостная. Воздух застревает в легких. Мир сужается до его лица, до ощущения его пальцев на моем горле. Это унижительная демонстрация власти? Внутри все сжимается в тугой, панический узел. Сердце стучит, а в ушах шумит. Я чувствую себя пойманной, беспомощной и, что хуже всего, унижительно слабой под его взглядом.

- Тебе так сильно нужны деньги, что ты решила торговать собой? Грязная...!

Его рука резко исчезает. Я хватаю ртом воздух, сгибаясь в приступе сухого, рвущего горло кашля. Сквозь пелену слез я вижу, как он снова достает из кармана маленький флакон, брызгает на руки антисептик и методично растирает его между ладонями.

- Я не торгую собой, придурок! - слова вырываются хрипло, устало. - Я устроилась официанткой!

Сил нет. Ни спорить, ни доказывать. Есть только одно же-

вание. Исчезнуть, раствориться, лишь бы не видеть этого презрения в его глазах. Лишь бы не чувствовать себя так... грязно.

- Где те деньги, которые я тебе дал?
- Закончились.
- Так быстро?
- Я оплатила ими операцию бабушке.

Он смотрит на меня, чуть склонив голову, будто изучает какой-то диковинный, жалкий экспонат.

- Другие родственники не в состоянии помочь?
- Никого нет, - шепчу пересохшими губами. - Только я и бабушка.
- Такая жалкая!

Роман снова нависает надо мной, его тень поглощает меня целиком. Он упирается руками в матрас по обе стороны от моей головы, заключая в ловушку. Его лицо снова близко, дыхание опалает щеку.

- Ненавижу таких! Как придёшь в себя, проваливай!
- Каждое его слово ранит.

Жалкая.

Грязная.

Проваливай.

Горячая, соленая волна поднимается из самой глубины души и обжигает глаза. Первая слеза срывается и медленно ползет по виску, оставляя мокрый, унижительный след. За ней вторая, третья. Я отворачиваюсь, прячу лицо в подуш-

ку, но от него не спрятаться. Его присутствие давит, душит сильнее, чем его пальцы мгновение назад. Чувствую физическую боль, тугой комок в горле, который мешает дышать.

- Уйду прямо сейчас. Прости, что побеспокоила тебя! - злость придает голосу неожиданную твердость.

Ногами отталкиваю Романа. Рывком сажусь. Мир качается, перед глазами плывут черные точки, но я игнорирую их. Мой взгляд падает на тонкую трубку, ведущую к вене на сгибе локтя. Не думая, одним резким, почти варварским движением я выдергиваю иглу из кожи. Острая боль пронзает руку, и на плед тут же падает несколько алых капель.

Прикусив губу, чтобы не застонать, я спускаю ноги с кровати. Пол холодный, и от этого озноб пробегает по всему телу. Я встаю. Комната плывет, ноги ватные, но я цепляюсь за спинку кровати, за стену, за воздух. Каждый шаг это битва с собственным телом, с головокружением, с унижением, которое он на меня вылил.

Я не смотрю на Романа. Я чувствую его взгляд спиной. Тяжелый, прожигающий, но не оборачиваюсь. Шатаюсь, держась за стену, я бреду к двери. Ручка холодная и твердая. Я нажимаю на нее, и дверь поддается.

- Думаешь, уйдёшь так просто?

Его голос, теперь лишенный ярости, звучит глухо и требовательно, прямо у моего уха. Замираю.

Внезапно сильные руки обхватывают меня за талию, рывком разворачивают и прижимают к стене рядом с дверным

проемом. Моя спина ударяется о холодную поверхность, и я вскрикиваю от неожиданности. Роман стоит так близко и так крепко держит меня, что я забываю, как дышать.

- Где он тебя трогал? - шипит Роман мне прямо в ухо, его дыхание обжигает кожу. - Здесь?

Горячие пальцы скользят по моей руке, от плеча до запястья. Под кожей вспыхивают тысячи иголок, нервные окончания натягиваются, как струны. По телу бежит предательская дрожь.

- Или здесь?

Его вторая рука покидает мою талию, и я чувствую, как она нагло скользит по бедру, забираясь под край моей короткой юбки. Ткань униформы кажется смехотворно тонкой преградой. Его пальцы обжигают нежную кожу внутренней стороны бедра, и мой живот сводит от страха. Это прикосновение - чистое вторжение, и оно заставляет все внутри меня сжаться в тугую, трепещущий узел.

Резко отталкиваю его дерзкие руки, находя в себе остатки гордости.

- Он не трогал меня! Ты что, за шлюху меня принимаешь?

Горячие, злые слезы обжигают щеки, прочерчивая влажные дорожки. Унижение захлестывает с головой.

- Я не знала, что так получится! Я просто устроилась официанткой. Больше я там не появлюсь! Я не знала... не знала... Голос срывается, и я чувствую, как волна истерики подкатывает к горлу, готовая поглотить меня.

- Сколько у тебя было мужчин? - шепчет Роман, снова прижимая меня к стене, его тело словно несокрушимая клетка.

- Не твое дело! - выплевываю, пытаюсь вырваться из его стальной хватки. - Дай мне уйти!

Но он не слушает. Одним плавным, хищным движением он подхватывает меня под колени. Я взвизгиваю, инстинктивно цепляясь за его широкие плечи, чтобы не упасть. Мир переворачивается. Он несет меня так, словно я ничего не вешу. Легко, властно. Через мгновение моя спина встречается с мягкой поверхностью кровати. Он не кладет меня, он бросает. И тут же наваливается сверху, придавливая своим весом, лишая меня любой возможности к бегству.

- Что ты хочешь делать?

Я извиваюсь под ним, но это лишь усугубляет ситуацию. Каждое мое движение заставляет наши тела соприкасаться еще теснее.

- Лучше тебе так не делать! - угрожающе хрипит Роман. - Ответь на вопрос! Сколько у тебя было мужчин?! - он практически кричит, его лицо в паре сантиметров от моего.

Мне страшно. По-настоящему страшно. Я вижу в его потемневших глазах бурю, которую не в силах остановить. И решаю ответить.

- Не было мужчин, - выдыхаю я, чувствуя, как дрожат губы. - У меня нет на них времени.

Роман замирает. Только дыхание - горячее, неровное ка-

сается моей щеки. Его взгляд прожигает, будто ищет ложь в каждом моем вдохе. Потом он медленно опускает голову, и я чувствую, как его нос скользит вдоль моей шеи. Он втягивает воздух, будто хочет запомнить мой запах, впитать его в себя. От этого движения по коже пробегает ток. Не от страсти, а от чего-то более сложного, пугающего.

Я не двигаюсь. Не могу. Внутри все сжалось, как перед прыжком в ледяную воду. Его дыхание становится глубже, тяжелее, и я слышу, как он шепчет, почти себе под нос:

- Я думал, что очерствел. Что ни одна из тех ярких красавиц, кто крутится вокруг, не способна вызвать у меня хоть какую-то эмоцию. А оказывается, я просто извращенец! Меня тянет к невзрачной жалкой мышке.

Я не знаю, что больнее. Его признание или то, как он проносит это. С горечью, будто сам себя презирает. Я чувствую, как его дыхание сбивается, как мышцы под тонкой тканью рубашки напрягаются, будто он борется с самим собой. Его пальцы, до этого сжимавшие простыню по обе стороны от моего лица, дрожат. В этом дрожании не сила, а растерянность, почти боль.

Я смотрю на него снизу вверх, и впервые вижу не только гнев. Там, за этой маской, прячется что-то другое. Усталость, одиночество, страх. Он не чудовище, он человек, который слишком долго не позволял себе чувствовать. И теперь, когда чувства прорвались, они рвут его изнутри.

- Хочешь, я открою тебе правду, - шепчу, не узнавая свой

голос. Он звучит мягко, почти ласково, хотя внутри все дрожит.

Он кивает, не отрывая взгляда, и в следующую секунду его губы касаются моей шеи. Поцелуи жадные, сбивчивые. Мозг тонет в вязкой пучине ощущений: горячее дыхание, шершавое касание его губ. Всё смешивается. Страх, злость, странное неуместное томление. Я чувствую его жаркое дыхание. Мужские губы замирают у основания моей шеи, и он не двигается, только тяжело дышит, будто борется с чем-то внутри.

Я осторожно поднимаю руку и касаюсь его плеча. Под пальцами напряжённые мышцы, словно натянутые струны. Он не смотрит на меня, но я чувствую, как его тело постепенно теряет ту ярость, что только что кипела в нём. В этом молчании есть что-то мучительное, почти невыносимое.

- Ты не извращенец, Роман! Ты просто мерзкий придурок! Нахожу в себе силы и отталкиваю его.

Мужчина отстраняется, садится на край кровати.

- Спи! Поговорим утром!

Роман резко встаёт с кровати и покидает комнату. Слышу щелчок. Меня снова заперли. Просто класс.

Глава 8

Просыпаюсь и резко встаю. Тут же хватаюсь за виски. Комната плывет, как палуба корабля в шторм, и я судорожно вдыхаю, пытаюсь удержать сознание.

Когда зрение, наконец, фокусируется, я осматриваюсь. На стуле из темного дерева, идеально ровной стопкой, лежит женская одежда. Джинсы, простая белая футболка, белье. Это он приготовил это для меня? От этой мысли по коже пробегает холодок.

Я сползаю с кровати, ноги ватные. Нужно привести себя в порядок. Интуиция ведет меня к неприметной двери. Я толкаю ее, и у меня перехватывает дыхание.

Это не ванная, это персональный спа-салон. Огромная душевая кабина из тонированного стекла, занимающая половину пространства. Отдельно стоящая овальная ванна на изогнутых ножках, похожая на произведение искусства. Две раковины из цельного куска мрамора, в котором тонут золотистые прожилки. Все сияет чистотой и роскошью. Я на мгновение замираю, а потом решительно шагаю под струи воды.

Прохладная вода прогоняет туман из головы. Я яростно тру волосы, наблюдая, как розовые ручейки стекают по моему телу и исчезают в сливе. Прощай, очередная маска. Наружу пробивается мой настоящий цвет – холодный, почти

платиновый блонд. Выскакиваю из душа, наспех вытираюсь пушистым, как облако, полотенцем и быстро натягиваю приготовленную одежду. Она сидит идеально.

Когда я выхожу из ванной, тут же врезаюсь во что-то твердое, высокое и обжигающе теплое. Стена. Живая стена из мышц, пахнущая дорогим парфюмом и кофе.

Роман.

Его рука мгновенно ложится мне на талию, притягивая плотную, лишая воздуха. Вторая скользит вверх, пальцы зарываются в мои еще влажные волосы. Он чуть отстраняет мою голову, рассматривая.

- Почему каждый раз, когда я тебя вижу, твои волосы другого цвета? - его голос низкий, с хрипотцой, от которой по позвоночнику бегут мурашки.

- Не твое дело! - я резко отталкиваю его, делая шаг назад. Ладони горят от соприкосновения с его грудью. - Я пойду!

Пытаюсь обойти его, проскользнуть к выходу, но не успеваю. Сильные пальцы впиваются в мои плечи, и он ощутимо встряхивает меня, заставляя посмотреть на него.

- Ты никуда не пойдешь! - рычит он.

- Почему? - с губ срывается испуганный шепот. Я тону в его глазах – черных, бездонных, как ночное небо без звезд. В них полыхает огонь, который пугает и завораживает одновременно. - Мне нужно навестить бабушку, - я смотрю на него умоляюще, но на него это, кажется, совсем не действует. Его лицо, словно маска из гранита, ни один мускул не

дрогнул.

- Сначала завтрак, - ставит он точку. Голос не терпит возражений.

Что сказать, я удивлена. Его заботит, позавтракаю я или нет? Это так не вяжется с образом жесткого, властного мужчины, который сложился в моей голове.

- Я не голодна. Я пойду.

- Тебя никто не спрашивает, голодна ты или нет.

Не успеваю я возразить, как Роман одной рукой подхватывает меня под коленями. Мир снова качается, и я вздрагиваю, инстинктивно цепляясь за его широкие плечи, чтобы не упасть. Он несет меня так легко, будто я ничего не вешу. Его запах снова дурманит, и я злюсь на себя за эту слабость.

Он выносит меня из спальни в огромное пространство гостиной, совмещенной с кухней. Здесь все так же стерильно и дорого. Он подходит к высокому столу у панорамного окна и аккуратно, почти бережно, опускает меня на стул. Чувствую себя куклой в его руках, и это бесит.

На столе уже стоит завтрак. Идеально круглые, золотистые сырники, политые сиропом и украшенные свежими ягодами. Рядом чашка с дымящимся кофе.

Мне неловко. Ужасно неловко. Роман садится напротив, подпирает подбородок рукой и просто смотрит на меня. Не отрываясь. Его взгляд тяжелый, изучающий, он словно пытается заглянуть мне под кожу, прочесть все мои мысли. Я чувствую, как щеки заливают краска.

Он такой властный. В каждом жесте, в каждом взгляде сквозит абсолютная уверенность в своей правоте и силе. Я не решаюсь перечить. Воздух между нами наэлектризован до предела, и я боюсь, что любое резкое слово или движение высечет искру, которая сожжет меня.

Так уж и быть. Я позавтракаю и уйду.

Беру вилку, и пальцы слегка дрожат. Подцепляю кусочек сырника, отправляю в рот. Нежный, творожный, тающий... Это невероятно вкусно.

- Я позавтракала. Я пойду. Спасибо тебе за всё. За то, что спас и приютил.

Встаю из-за стола и направляюсь на выход.

- Кто разрешал тебе уйти? – его горячий шепот возле самого уха пригвождает меня к месту.

- А зачем мне оставаться? – тоже шепчу.

- Садись на диван, нам нужно поговорить.

- О чем нам разговаривать?

- Хочешь, чтобы я отнёс тебя. Понравилось? – горячая ладонь ложится на талию.

- Нет, - мой голос дрожит. – Я сама.

Отцепляю от себя мужскую ладонь и послушно сажусь на диван. Роман садиться в кресло напротив. Я смотрю на него, и воздух в комнате становится густым, как расплавленный мед. Каждый вдох дается с трудом. Роман сидит напротив, развалившись в кресле, словно король на троне. Его поза расслаблена, но взгляд... о, этот взгляд проникает под кожу,

сканирует, оценивает и, кажется, видит все мои страхи насквозь. Темные глаза, обрамленные густыми ресницами, не мигая, изучают мое лицо, скользят по шее, задерживаются на ключицах. Ощущение, словно он и вправду дотронулся до меня, и по телу пробегает волна мурашек. Смесь страха и странного, запретного возбуждения.

Молчание звенит, натягивается до предела, готовое вот-вот лопнуть. Я сжимаю кулаки, впинаясь ногтями в ладони, чтобы хоть как-то заземлиться, не утонуть в этом омуте его глаз.

Наконец, он нарушает тишину.

- Будь послушной и оставайся со мной.

Слова падают в тишину, как камни в воду. Простые, приказные, не оставляющие пространства для маневра. Внутри меня все взрывается праведным гневом.

- В качестве кого? - язвительно цежу сквозь зубы.

Неужели он сейчас предложит мне стать его... любовницей? Ну уж нет. Я не вещь. Содержанкой я не буду. Никогда.

- В качестве моей женщины.

Мир на мгновение замирает. Я хлопаю ресницами, пытаюсь осознать услышанное. Его женщины? Это какая-то злая шутка? Я смотрю на него. На идеальные черты лица, на дорожную рубашку, обтягивающую широкие плечи, на уверенность, которая сквозит в каждом его жесте. Богатый, властный, дьявольски красивый. Мужчина, которому достаточно щелкнуть пальцами, чтобы у его ног оказалась любая модель

или актриса.

И я. Обычная я. Зачем ему я? Что он во мне нашел? Эта мысль кажется настолько абсурдной, что я едва сдерживаю нервный смешок. С ним же невозможно. Он грубый, он давит, он не спрашивает, а требует. Быть с ним все равно, что жить на действующем вулкане.

- Не хочу!

Уголок его губ едва заметно дергается.

- Почему?

- Я тебя боюсь, - честно признаюсь. - И ты не нравишься мне.

Он усмехается. Открыто, хищно, обнажая ряд ослепительно белых зубов.

- Не нравлюсь? Уверена? - он подается вперед, опираясь локтями о колени. - Любая мечтает оказаться на твоём месте.

- Ну так возьми любую другую! — злость придает мне смелости. - Я пойду.

Резко встаю, но не успеваю сделать и шага.

- Сядь на место.

Властный, ледяной тон парализует. Ноги сами подгибаются, и я плюхаюсь обратно на диван, ненавидя себя за эту слабость.

- В любом случае у тебя нет права голоса, - констатирует он, будто речь идет о погоде. - Ты остаешься здесь.

- Крепостное право отменили в 1861 году! - возмущенно выпаливаю. - У тебя нет права удерживать меня силой!

- Но я все равно могу, - его голос становится тише, опаснее. - Поверь, лучше тебе подчиниться мне добровольно. Иначе...

- Иначе что? – немного повышаю голос.

- Лучше не доводи до этого!

Глава 9

Роман медленно сканирует меня взглядом, сантиметр за сантиметром, и от этого по коже бегут ледяные мурашки.

- Я могу решить все твои проблемы. Твоя бабушка болеет. Я организую ей лучший уход, лучших врачей. Любую клинику в мире.

Каждое слово - наживка. Сладкая, ядовитая. Внутри все сжимается от отчаянного желания согласиться, принять эту помощь, но я поднимаю подбородок.

- Спасибо, не надо. Я справлюсь сама.

- Сама?! - его голос мгновенно меняется. Бархат исчезает, уступая место стали. В его чёрных глазах вспыхивает яростное, тёмное пламя. Он подается вперед, и все его тело напрягается, как у хищника перед прыжком. - Ты забыла, что было вчера?

Вчерашний день обрушивается на меня ледяным душем унижения. Липкий страх, чужие сальные руки, отчаяние... Я сглатываю ком в горле.

- Я найду другую работу. Выживала же как-то раньше. Да и скоро учебный год начнется, - я цепляюсь за эти слова, как за спасательный круг. - У меня нет времени на... хм... твоё предложение. Раз мы все выяснили, ты не против, если я пойду?

Я несмело поднимаюсь на ноги. Они ватные и едва держат

меня. Взгляд Романа пригвозждает меня к месту. Это не просто злость. Это собственническая ярость, обещание боли и власти. Он смотрит так, будто я вещь, дерзнувшая заявить о своей воле.

Мужчина медленно, почти лениво встает. Движение плавное, текучее, но в нем столько скрытой мощи, что у меня перехватывает дыхание. Это затишье перед бурей. Тишина, которая оглушает сильнее любого крика. Каждый мускул на его теле - натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

- Спрашиваю в последний раз, - его голос звучит пугающе спокойно, но от этого спокойствия кровь стынет в жилах. - Ты останешься со мной. Добровольно?

- Нет! - выдыхаю.

Уголок его губ дергается в подобии усмешки.

- Тогда не вини меня за грубость!

Все происходит в одно мгновение. Роман преодолевает расстояние между нами в два шага, и я не успеваю даже вскрикнуть. Сильная рука обвивает мою талию, другая подхватывает под коленями. Меня с легкостью закидывают на широкое, твердое плечо.

- Пусти! Отпусти меня! - я кричу, молотя кулачками по его каменной спине.

Мои ноги брыкаются в воздухе, я извиваюсь, пытаюсь вцепиться ногтями в его дорогую рубашку, но все тщетно. Он даже не замечает моих жалких попыток сопротивления. Его хватка - стальной капкан. Запах его кожи, смешанный с

парфюмом, дурманит, вторгается в легкие, лишая воли. Он несет меня обратно в спальню.

Дверь с глухим стуком распаивается от его толчка, и в следующий миг Роман бросает меня на огромную кровать. Я приземляюсь на мягкое шелковое покрывало, которое кажется холодным и скользким. Пружины матраса подбрасывают меня, и я тут же пытаюсь отползти, убраться подальше, но он быстрее.

Его тяжелое тело наваливается сверху, придавливая меня к постели. Я задыхаюсь под его весом, чувствуя жар, исходящий от него, каждой клеточкой своей кожи. Паника затапливает сознание, превращаясь в дикую, первобытную ярость. Я кричу, царапаюсь, пытаюсь укусить, но Роман ловит мои запястья с пугающей легкостью. Его пальцы смыкаются на моей тонкой коже, как тиски.

- Тише, котенок, - шепчет он мне на ухо, и его горячее дыхание обжигает шею, вызывая дрожь. - Только когти не выпускай.

Роман перехватывает обе мои руки одной своей огромной ладонью, прижимая их над моей головой. Другой рукой он достает что-то из тумбочки. Металлический щелчок раздаётся в тишине комнаты, и мое сердце ухает в пятки. Холодный металл обхватывает мое правое запястье, затем левое. Я вижу блестящие наручники, соединенные длинной, в метр, цепью. Он пристегивает их к массивному резному изголовью кровати.

Я дергаюсь, проверяя путы. Бесполезно. Цепь дает мне некоторую свободу, я могу двигаться, сесть, но не могу встать с кровати или дотянуться до него, чтобы ударить. Осознание собственного бессилия обрушивается на меня, как ледяная волна.

Роман отстраняется, поднимается с кровати и медленно, с нескрываемым удовлетворением, осматривает свою работу. Его взгляд скользит по моему телу, по растрепанным волосам, по моим рукам, закованным в сталь. В его глазах больше нет той ярости, что была в гостиной. Теперь там плещется темное, хищное торжество. Он победил.

Мужчина поправляет манжеты на своей идеальной рубашке, словно только что заключил выгодную сделку, а не приковал человека.

- У меня важная встреча, - его голос снова ровный и спокойный. - Посиди пока здесь и подумай. О моем предложении. О том, как хорошо тебе может быть со мной. И о том, что будет, если ты снова скажешь «нет».

Он поворачивается и уходит, не оборачиваясь. Шаги удаляются, щелкает замок входной двери. И наступает тишина. Оглушающая, давящая.

Я остаюсь одна, прикованная к его кровати. И вот сейчас, когда адреналин отступает, уступая место холодному, липкому ужасу, мне действительно страшно. Солёные горячие слёзы обжигают.

- Я ненавижу тебя, придурок, - шепчу в пустоту. - Нена-

вижу!

Я снова дергаю руками. Наручники впиваются в кожу, оставляя красные следы. Бесполезно. Ярость снова поднимается во мне, горячая и бессильная. Я кричу. Долго, с надрывом, срывая голос, пока в легких не заканчивается воздух. Но никто не слышит. Звукоизоляция здесь, должно быть, идеальная. Мой крик тонет в этой роскошной клетке, отражаясь от стен и возвращаясь ко мне едкой насмешкой.

Время течет, как вязкий сироп. Минуты растягиваются в часы. Я то лежу, свернувшись калачиком и глядя в пустоту, то сажусь, вслушиваясь в тишину дома. Каждый шорох за дверью заставляет меня вздрагивать. Я жду его. И боюсь этого ожидания. Боюсь того, что будет, когда он вернется.

Наконец, я слышу щелчок замка. Сердце пропускает удар и пускается вскачь, бешено колотясь о ребра. Шаги в коридоре. Уверенные, неторопливые. Его шаги. Дверь в спальню открывается без стука.

Роман стоит на пороге. Снимает пиджак, расстёгивает верхние пуговицы рубашки. Волосы слегка растрёпаны. В его глазах больше нет холода, там плещется тёмный огонь. Он смотрит на меня, и этот взгляд раздевает, проникает под кожу, касается самых потаённых уголков души.

Глава 10

Я подтягиваю колени к груди, цепь звякает в тишине комнаты. Металл холодит запястье.

- Почему ты удерживаешь меня здесь? - голос срывается, звучит жалко и тонко, совсем не так, как я хотела.

Роман медленно закрывает за собой дверь.

- Нана, - его голос низкий, с хрипотцой. - У меня был очень плохой день. Предупреждаю, будь послушной. Не подливай масла в огонь. Иначе не смогу гарантировать твою безопасность.

Угроза, произнесенная почти спокойно, пугает больше, чем крик. Я замолкаю, вжимая подбородок в колени. Слова застревают в горле колючим комом. Спорить с ним сейчас - все равно что дразнить зверя, загнанного в угол.

Он молча расстёгивает пуговицы на своей белоснежной рубашке. Одна за другой. Медленно, мучительно медленно. Я не могу отвести взгляд.

Ткань расходится, открывая вид на его грудь. Я сглаживаю. Кожа, тронутая легким загаром, кажется бархатной в приглушенном свете. Под ней перекачиваются мощные грудные мышцы. Два идеальных, выточенных скульптором пласта, напрягающихся при каждом движении. Мой взгляд скользит ниже, по дорожке темных волосков, сбегаящей к поясу брюк. И там... там начинается рельеф, от которого пе-

рехватывает дыхание. Каждый кубик пресса очерчен так четко, словно его рисовал гениальный художник. Они не выпирают грубо, а создают идеальную, гармоничную мощь. Это тело воина, тело хищника. Тело, созданное для того, чтобы властвовать.

Я залипаю, забыв о страхе, о наручниках, обо всем. Есть только он и это совершенство мужской силы, от которого по моему собственному телу бежит горячая, предательская дрожь.

Роман ловит мой взгляд, и в уголках его губ проскальзывает тень усмешки. Он точно знает, какое впечатление производит. Не говоря ни слова, он разворачивается и скрывается в ванной. Я слышу шум воды, и мое воображение тут же рисует, как тугие струи стекают по этим плечам, по этой груди, по этому прессу...

Когда он выходит, я вздрагиваю. Его волосы влажные и темные, кожа блестит от капель воды, которые медленно ползут по шее и ключицам. На нем простая черная футболка, обтягивающая торс так, что каждый мускул проступает еще отчетливее, и свободные домашние штаны. Он выглядит ослабленным, но от этого не менее опасным.

И он направляется ко мне.

Шаг. Еще один. Я инстинктивно вжимаюсь в изголовье кровати, пытаюсь стать меньше, незаметнее. Цепь натягивается, впиваясь в кожу. Кровать прогибается под его весом, когда он опускается на нее. А потом... он начинает ползти ко

мне. Медленно, как пантера, подбирающаяся к жертве. Его глаза не отрываются от моих, в них плещется темный огонь.

Я зажимаюсь, не в силах вынести это напряжение. Чувствую его тепло совсем рядом, слышу его дыхание. Жду боли, грубости, чего угодно.

Но вместо этого раздается тихий щелчок.

Холодный металл спадает с моего запястья. Я распахиваю глаза. Роман держит в руке ключ, а наручники лежат на простыне.

Он смотрит на красную полосу, оставленную браслетом на моей коже, и его лицо на мгновение становится непроницаемым. Затем он поднимает глаза на меня.

- Пойдем поужинаем. Будь умницей.

Его голос ровный, почти будничный. Он диссонирует с бешеной скачкой моего пульса. Я смотрю на свою освобожденную руку, на красную отметину от металла, и не могу пошевелиться. Все мое тело, словно натянутая до предела струна, ожидающая, что он сделает дальше.

Роман не торопит. Просто наблюдает, как я перевожу растерянный взгляд с запястья на его лицо. В его темных глазах больше нет той ледяной ярости, что была на пороге. Теперь там желание. Неприкрытое, собственническое, от которого у меня подгибаются колени, даже когда я сижу.

Медленно, очень медленно, я сползаю с кровати. Ноги кажутся ватными, не слушаются. Роман поднимается вместе со мной, его рост подавляет, заставляет чувствовать себя ма-

ленькой и хрупкой. Он не касается меня, но я ощущаю его тепло, его запах - свежесть после душа, смешанная с его собственным, терпким мужским ароматом, который сводит меня с ума.

Мы идем на кухню молча. На столе уже стоит ужин. Простая еда. Запеченное мясо, салат. Но я сомневаюсь, что смогу проглотить хотя бы кусок.

- Кто это всё приготовил? – говорю тихо.

- Помощница по дому.

Роман садится напротив, пододвигает ко мне тарелку. Я беру вилку, но пальцы дрожат. Он ест спокойно, методично, не сводя с меня глаз. Я чувствую, как щеки заливают румянец. Я опускаю ресницы, пытаюсь спрятаться за ними, но это бесполезно. Против него у меня нет защиты.

- Ешь.

Я заставляю себя поднести вилку ко рту. Еда кажется безвкусной. Все мои чувства обострены до предела и сосредоточены только на нем. На том, как движется его кадык, когда он глотает. На том, как его длинные пальцы сжимают столовый прибор. На том, как футболка обтягивает его широкие плечи, когда он тянется за бокалом.

Когда с ужином покончено, он встает и убирает тарелки. Я остаюсь сидеть, оцепенев от напряжения. Что теперь? Снова наручники?

- Что будет со мной дальше? – набираюсь смелости и спрашиваю.

- Всё зависит от тебя, Нана, - легкая, хищная усмешка трогает его губы. - Если ты будешь послушной, у тебя будет всё хорошо.

- А если я не хочу быть с тобой? - выпаливаю.

Его взгляд мгновенно становится ледяным. Усмешка исчезает, сменяясь жесткой, непреклонной линией рта.

- Лучше выбрось эти мысли из головы. Потому что всё, что я хочу, получаю. На это твое согласие не требуется.

Волна ярости и бессилия захлестывает меня.

- Да ты просто псих! Лечиться не пробовал?

Следующая секунда сливается в одно смазанное движение. Стул с грохотом отлетает назад. Роман оказывается рядом, его руки, сильные, как стальные тиски, подхватывают меня. Я не успеваю даже вскрикнуть, как мои ноги уже отрываются от пола. Он несет меня обратно в спальню, в эту золотую клетку, и на этот раз я не молчу. Я кричу, вырываюсь, бью его кулаками по широкой спине, но он будто не замечает.

- Дикая кошка, - его голос, низкий, раздается прямо у моего уха. - В постели покричишь.

Дверь спальни распаивается от толчка его ноги. Он небрежно, почти с животной грацией, швыряет меня на огромную кровать. Я приземляюсь на мягкое покрывало, и пружины подо мной протестующе скрипят. Не успеваю сгруппироваться, как его тяжелое, мускулистое тело наваливается сверху, вжимая меня в матрас. Он ловит мои запя-

стья и заводит их над моей головой, прижимая одной своей огромной ладонью. Другой рукой он обхватывает мое лицо, заставляя смотреть на него.

Я задыхаюсь от его близости, от его веса, от запаха его кожи - терпкого, мужского, с нотками дорогого парфюма. Его глаза в полумраке комнаты горят темным, неукротимым огнем. Я извиваюсь под ним, пытаюсь лягнуть, освободиться, но моя борьба лишь распаляет его.

- Ненавижу тебя! - шиплю, глядя ему в лицо с вызовом.

- Ненавидь, - выдыхает он. — Так даже интереснее! - и его губы накрывают мои.

Это не поцелуй. Это шторм. Властный, требовательный, не оставляющий мне ни единого шанса на вдох. Его язык вторгается в мой рот, исследуя, подчиняя, пробуя на вкус мой гнев и мое отчаяние. Я пытаюсь отвернуться, но его пальцы на моем подбородке держат мертвой хваткой. Я кусаю его губу, чувствуя соленый привкус крови, но он лишь глухо стонет, и его напор становится только яростнее.

Глава 11

Его вес давит, впечатывая меня в матрас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.